

Напомню, что в 1700 г., когда Стефана Яворского против воли возводили на Рязанскую и Муромскую митрополию, он в первый раз не явился на церемонию, из чего вышел большой соблазн и испуг для патриарха Адриана. Уже будучи местоблюстителем патриаршего престола, Стефан тщетно умолял Петра отпустить его в Киев, а потом хотел схимиться, ибо великий ангельский чин не только налагал тяжкие обязанности, но и освобождал от всех должностей. Повторяя вслед за Эпикуром «хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался», Стефан изложил свои убеждения в следующем письме от 19 декабря 1707 г., отправленном Димитрию Ростовскому по случаю присылки последним «Летописца». Письмо это замечательно, между прочим, и как образец макаронического языка, который был принят в дружеском обиходе питомцев Могиланской коллегии, — причудливой смеси латыни, польского, церковнославянского, русского и украинского. Впрочем, в данном случае макаронические излишества наводят на мысль, что автор боялся сторонних глаз.¹⁴

«Блажени вы господеви, сотворшему небо и землю. *Opus peregristis et peragitis, quod nec Iovis ira, nec ignes, nec poterit ferri abolere vetustas. My na to patrzemy non sine invidia, hac in re utique licita. I daj boże nasładować licet ex parte quia,*¹⁵ нельзя, батюшка, за тем неудобостерпимым бременем, которое и ум ослепило, и здорровье отняло, и душу повредило. *Et hoc est, pater, quod me urgebat et urget exire ex hac Babylone; hoc motivum etiam erat appetere kioviensem cathedram, non qua cathedram, hanc enim praelaturam archieraticam iam habeo, et quidem altiorem kioviensi; sed quietem et tranquillam vitam, in qua possem aliquod ingenioli mei opusculum posteritati relinquere...*¹⁶ Еще высочайшего степени мне желаеши. Спасет бог, батюшка, за тую зичливість, аки бы рекл еси: покинь секиру, да возьми долбню, *et quod fructus exinde? Vanitas animae perniciosissima. Crede mihi: bene qui latuit, bene vixit.*¹⁷

Димитрий Ростовский мог лучше всех оценить терзания своего друга. Больше чем кто-либо Димитрий связывал свои литературные занятия и воздаяние: он писал «Четьи Миней» по мона-

¹⁴ См.: Письма митрополита Стефана Яворского. — Труды Киевской духовной академии, 1866, № 4, стр. 545—546. Приводимый ниже перевод иноязычных фрагментов принадлежит автору публикации. Он изменен лишь в двух-трех местах.

¹⁵ Вы совершили и совершаете дело, которое не может уничтожить ни гнев Зевса, ни огонь, ни ржавчина, снедающая железо. Мы смотрим на это не без зависти, в этом случае конечно позволительной. И дай нам боже подражать этому делу хотя отчасти, потому что...

¹⁶ Вот что, батюшка, заставляло и заставляет меня выйти из этого Вавилона; вот что побуждало меня искать киевской кафедры, не потому что я уже имею кафедру, первенствующую в иерархическом значении и притом высшую киевской, но ради отдыха и спокойной жизни, в которой я мог бы оставить потомству какое-нибудь произведение моего умишка.

¹⁷ И какой плод из этого? Пагубнейшая суета душевная. Поверь мне: кто хорошо спрятался, тот хорошо прожил.